Из серии рабочих докладов ЦНМИ № 10

Исламизм стучится в наши двери

Хикмет Гаджи-заде

Редактор Лейла Алиева

ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНЫХ и МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦНМИ
БАКУ, 2016

ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНЫХ и МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исламизм стучится в наши двери

Хикмет Гаджи-заде

Редактор Лейла Алиева

Исламизм стучится в наши двери

«Религия возвращается в общественную жизнь и политику по всему земному шару», – таковы были темы научных работ, конференций и заголовки газет в конце XX века. Вопреки широко распространенной «теории секуляризации», согласно которой модернизация, секуляризация и экономический рост приведет к уменьшению религиозности в обществе, наблюдатели отметили заметный рост религиозности и радикализма по всему миру.

Сегодня же самой обсуждаемой темой в научном и новостном пространстве стал рост «исламизма» – исламского радикализма и фундаментализма, желание все большего количества людей жить в государстве, основанном на «справедливых» «чистых», «простых и понятных» принципах священного Корана. Всё громче звучат исламистские призывы и Азербайджане, в стране, пережившей 70 лет советского «научного атеизма» и антирелигиозных репрессий.

Отмечается несколько причин роста исламистских настроений, таких как защита традиционной идентичности, неспособность и нежелание жить и работать в новых индустриальных и постиндустриальных условиях, в авторитарных же странах, к числу которых принадлежат большинство «мусульманских стран» является безальтеративность религиозного сознания и религиозной активности на фоне подавленного рационализма и демократии. Общепринято, что психика человека испытывает большой стресс в отсутствие духовной жизни и социальной активности, и там, где свобода подавлена начинает распространятся мистицизм и радикализм…

Накануне празднования в 2015 г. священного для мусульман месяца Рамадан (Ид аль-Фитр) азербайджанские СМИ распространили данные Министерства юстиции, согласно которому самым распространёнными именами для новорожденных мальчиков стали такие имена из исламского культурного наследия как Юсиф, Али, Гусейн, Мухаммед…[1] По сообщениям СМИ, в первый же день Рамадана (18.06.2015) вокруг городской мечети "Ajdar bey", рассчитанной не более чем на 300 человек, собралось около 10 000 верующих, совершающих праздничную молитву. Еще большую активность проявили верующие во время Ашуры – дня поминовения погибших шиитских лидеров Гасана и Гусейна. В этот день (23.10.2015) во всех крупных городах Азербайджана состоялись многотысячные траурные шествия со знаменами, произносились речи, полные социального протеста, звучали призывы – положить конец «всеохватывающей коррупции и несправедливости», а также выдвигались требования об освобождении десятков религиозных активистов, арестованных «по подложным обвинениям». Во втором по численности населения городе страны – Гяндже – произошли столкновения с полицией, пытавшейся разогнать несанкционированное траурное шествие. Удивительную активность

[1] http://1news.az/society/20150708101708600.html

проявили и азербайджанцы Грузии, устроившие в Марнеули (район в Грузии) массовое траурное шествие и автомобильное ралли со знаменами и плакатами в честь Ашуры.

https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1626436440912238&set=pcb.1067452263287938&type=3&relevant_count=5

https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1625139777708571&set=gm.1065246230175208&type=3

Эта массовая религиозная активность происходит на фоне полного разгрома и, соответственно, молчания, демократической оппозиции и гражданского общества страны. На ноябрь 2015 года в тюрьмах страны отбывают наказание:

- 12 журналистов и блоггеров;
- 7 правозащитников;
- 4 молодежных активиста
- 5 политических активистов;
- 38 религиозных активистов

Все эти активисты признаны Amnesty International политическими заключенными…

Вышеописанная религиозная активность проходит также на фоне полностью контролируемых властями выборов в парламент (1 ноября 2015), которые бойкотировали

оппозиционные партии и, которые отказались наблюдать представители ОБСЕ, посчитав обстановку, в которой они проводятся, антидемократической.

Значительная активность (массовые митинги и шествия) в честь Ашуры наблюдалась в бакинском селении Нардаран – известном оплоте шиитского консерватизма. Особое внимание наблюдателей привлекло выступление на митинге в Нардаране нового молодого религиозного лидера Талеха Багирзаде (председатель "Движения мусульманского единства» (ДМЕ)), только что вышедшего из двухлетнего заключения, к которому он был приговорен, как считают многие, за свои антиправительственные проповеди. В очередной раз обвинив власти в деспотизме и коррупции Т. Багирзаде завершил свою речь словами о том, что борьба будет продолжаться несмотря на угрозы физической расправы и, даже, смерти:

«…Пусть они знают, что среди нашего народа есть последователи [погибшего в борьбе за справедливость] имама Гусейна. У нас есть люди сходные по природе с имамом Гусейном. Они готовы умереть, готовы пролить свою кровь, но они утопят вас в своей крови! Они прольют свою кровь и в этой же крови вас утопят».

Талех Багирзаде. Нардаран 23.10.2015

https://www.facebook.com/azadliqqazeti/videos/959450884111069/?autoplay_reason=gatekeeper&video_container_type=0

Речь Т. Багирзаде прерывалась возгласами поддержки многотысячного митинга. Митинг завершился без инцидентов и вмешательства полиции, посчитавшей, вероятно, что разгонять разгоряченную толпу в несколько тысяч человек небезопасно. Пока не ясно, что предпримут власти в отношении Т. Багирзаде и его «Движения мусульманского единства», обычно, они такие выступления безнаказанными не оставляют. Сразу же после митинга в Нардаране Талех Багирзаде был вызван в полицию и избит, но вечером выпущен из участка. Его заместитель – Эльчин Гасымов был задержан полицией и арестован на 30 суток за сопротивление полиции. Эти действия полиции вызвали

массовые протесты сторонников ДМЕ, которые протестовали перед полицейским участком, пока не были разогнаны полицией, – около 20 протестующих были задержаны полицией.

«Движение Мусульманское Единство»

По славам Т. Багирзаде, «Движение мусульманское единство» (*Müsəlman Birliyi Hərəkati*) (ДМЕ) было создано в 2014 г. им и его соратниками, когда он отбывал двухгодичный срок в тюрьме с целью объединить все истинно мусульманские силы страны в борьбе за справедливое общество. Учредительное собрания движения состоялось 13 января 2015 года, когда Т. Багирзаде вышел из заключения. В интервью газете Azadlıq один из учредителей движения – Эльчин Гасымов заявил:

В священном Коране сказано, пока народ сам не начнет менять свою судьбу, Аллах за него его судьбу менять не станет. ДМЕ будет сотрудничать со всеми исламскими силами страны и в том числе и Исламской партией Азербайджана. ДМЕ не отвергает национальных ценностей, но считает, что все эти ценности являются составной частью мусульманских ценностей. ДМЕ выступает против империализма и культурного империализма, пытающегося изменить нашу традиционную идентичность.[2]

А вот и высказывания Талеха Багирзаде о своем видении задач движения из интервью информагентсву Туран:

- Некоторые мусульмане в своем проявлении веры довольствуются лишь исполнением религиозных ритуалов – совершают намаз, постятся. Но этого недостаточно, ведь вся суть Ислама в том, чтобы построить справедливое общество без лжи и насилия. Мусульманин не должен молчать, столкнувшись с несправедливостью…

- Я считаю, что [традиционные] мусульмане должны адаптироваться в [современное] общество, уметь объединять свои усилия с другими социальными группами.

- Не важно религиозен ли ты, отправляешь ли религиозные ритуалы, – но мы можем объединиться с тобой [во имя общих целей].

- Новое поколение религиозных активистов понимают, что происходит в регионе и мире. Они ценят человеческие ценности. Они хотят покончить с гнётом и восстановить справедливость. Они живут теми же проблемами, что и всё наше общество. Наше главное требование, как и требование всего общества - честные выборы.

- Я считаю террористические группы, действующие под исламскими лозунгами врагами Ислама…[3]

Программа ДМЕ пока не была широко опубликована, но, согласно высказываниям лидеров движения, организация ставит перед собой следующие задачи:

- выдвинуться в лидеры религиозного движения страны, заменив собою «Исламскую партию Азербайджана» в качестве авангарда религиозного движения в стране;

- объединить вокруг себя всех религиозных активистов и групп страны;

---

[2] http://www.azadliq.info/58981.html

[3] http://contact.az/docs/2015/Interview/081300126063az.htm#.VjIL4_krKhd

- преодолеть традиционную изоляцию исламского лагеря от секулярного протестного движения и наладить сотрудничество с демократическим лагерем в стране;

- по возможности, объединить вокруг себя все протестные силы страны – религиозные и секулярные.

- прийти к власти посредством выборов и покончить с угнетением и несправедливостью в стране.

Возможно, что Т. Багирзаде и его сторонники выбрали для себя модель функционирования подобную модели турецкой «Партии справедливости и развития», возглавляемой Эрдоганом. Талех Багирзаде говорит, что хочет прийти к власти в коалиции со всеми прогрессивными силами страны и путем честных выборов. «Я не желаю установления в стране законов шариата, я лишь хочу покончить с угнетением и несправедливостью», – говорил Талех Багирзаде в беседе с известными демократическими активистами. Такие заявления Т. Багирзаде, фактически означают, что он желает представить свое движение не «чисто исламским», но скорее, «происламским».

Время покажет, насколько такая стратегия применима в стране, в которой нет честных выборов и в которой, исламисты никогда, до сих пор не отказывались от желания построить государство, основанное на законах шариата.

Сможет ли ДМЕ выдержать давление властей и до конца оставаться мирным и умеренным происламским движением – покажет время. Сегодня же, на фоне разгрома демократического лагеря, ДМЕ и другие исламистские организации могут оказаться одной из немногих сил, способных принести перемены в политическую ситуацию в стране.

Свобода вероисповедания в независимом Азербайджане

Как видно, исламизм сегодня разививается чуть ли ни в главного оппозиционного актора на опустошенной политической арене страны и все это произошло несмотря на гонения на религию, продолжавшийся последние 100 лет, как при советской власти, так и независимом Азербайджане.

В до Советский период в результате событий в Российской империи, политико-экономической ситуации в регионе и под влиянием собственных традиций в Азербайджане сформировалось сильное просветительское и антиклерикальное движение, у истоков которого стояли такие мыслители как М.Ф. Ахундов, Гасан бек Зардаби, Дж. Мамедкулизаде и другие. Стремление общества избавиться от средневекового религиозного мракобесия было настолько сильно, что это секуляристское движение стало частью азербайджанской идентичности, оно до сих пор сильно и в современном Азербайджане.

В 70-летний советский период ислам и, соответственно, исламский интегризм, был полностью репрессирован. В 1,5 миллионной столице Азербайджана действовало лишь 2 мечети, священнослужители (ахунды) в которых находились под строгим контролем служб безопасности. Но и в советское время борьба секуляристов с «пережитками прошлого», за гендерное равноправие, рационализм, модернизм, «широкие взгляды», продолжалась. Одним из символов этой борьбы стала Севиль – героиня одноименной пьесы известного драматурга Джафара Джаббарлы (1928), посвященной освобождению азербайджанской женщины от уз «религиозного мракобесия». Севиль стала настолько популярна, что в 1957 г. этому литературному персонажу поставили памятник в центре столицы – «азербайджанская женщина, сбрасывающая чадру»; в 1959 году на этот же сюжет была поставлена одноименная опера; и, наконец, будущий президент Азербайджана Гейдар Алиев также назвал свою, родившуюся в то время дочь, Севиль.

Памятник освобожденной женщине Востока (Севиль), Баку.

Это было золотое время для секуляристов, когда главные задачи за них решала коммунистическая власть в Москве.

Но с падением коммунистического режима и обретением обществом некоторых личных и гражданских свобод, картина начала меняться. Религия начала возвращаться и занимать в обществе достаточно почетное место.

Если в советский период (до конца 1980-х) открыто заявить о своей вере в бога было опасно, то

- в 1998 году уже 71% респондентов общенационального социологического опроса уверенно заявили о своей вере в бога[4];

- в 2004 году опрос выявил уже 96,7% верующих респондентов[5];

- согласно общенациональным опросам общественного мнения (1000 респондентов), проведенного нами (FAR CENTRE) среди молодежи страны в 2010 году,

95% молодежи заявили, что верят в Бога (2008 – 88%, 2009 – 96%).

Однако, регулярно совершают религиозные обряды, в среднем, лишь - 15% респондентов (2008 – 13%, 2009 - 13%, 2012 – 16.9%).[6]

---

[4] Опрос проведен 1998 Институтом Философии АН Азербайджана

[5] Опрос проводился 2004 со стороны FAR CENTRE под руководством автора данный статьи.

[6] Опросы проводились в 2006, 2008, 2009, 2010, 2012 г.г. со стороны FAR CENTRE под руководством автора данный статьи.

Как видно из приведенных данных – рост религиозности в стране налицо. Однако тут можно сделать еще один вывод: рост числа глубоко верующих людей (регулярно выполняющих религиозные предписания) за последние 7 лет, по нашим оценкам, вышел на некоторое плато примерно в 15% населения и больше не растет.

В 1992 году в период правления президента Эльчибея парламент принял закон о «Свободе вероисповедания» и десятки новых религиозных организаций были зарегистрированы. В этом же году указом президента культовые сооружения, были возвращены верующим и религиозное образование стало свободным. Официальные лица стали появляться на религиозных церемониях, а политики заигрывать с верующими. Исламская партия Азербайджана была официально зарегистрирована.

Однако религиозный фактор пытался использовать Иран, который по сообщениям печати тратил сотни тысяч долларов на пропаганду исламского режима в Азербайджане. Из опасения усиления влияния идей Иранской исламской революции в закон о «Свободе вероисповедания» было введено антидемократическое положение, запрещающее религиозным деятелям баллотироваться в парламент страны. Постепенно страх проиранской религиозной активности усиливаться и закон о "Свободе вероисповедания" (1992) стал подвергаться в обществе постоянной критике, как слишком либеральный.

Тем временем, пришедший к власти в 1993 году президент Гейдар Алиев начал широкомасштабные репрессии против своих политических оппонентов и, вообще, любой неконтролируемой социальной активности и инакомыслия. Тюрьмы заполнились демократическими активистами, медиа начали подвергаться финансовому, а порой и физическому давлению. Общественное пространство – пространство для диалога и достижения взаимопонимания постепенно исчезало.

Не обошел новый президент своим вниманий и религиозную сферу. В 1996 году парламент вносит в закон о «Свободе вероисповедания» поправки о запрещении деятельности иностранных миссионеров, а местные религиозные общины теперь регистрироваться в центрах традиционных религиозных организаций. Как правительственные, так и некоторые оппозиционные газеты из страха перед "иранским или "алжирским вариантом", нередко обвиняли религиозные организации в антигосударственной деятельности.

15 октября 1996 года указом Кабинета Министров иностранцам в стране было запрещено заниматься религиозной пропагандой. Государственный Комитет по делам религии начал перерегистрацию всех религиозных организаций. Отношение к новым религиозным организациям в немалой степени строиться на рекомендациях так называемых "Материнских Церквей", которые, конечно же, не испытывают особой симпатии к новым и энергичным конкурентам из-за рубежа.

Президент Гейдар Алиев начал репрессии и против исламских политических активистов: он отменил в 1995 году регистрацию Исламской партии, а в мае этого же года арестовал ее лидеров. Но, оказалось, что все эти репрессивные меры не помогают. Исламский активизм и религиозный экстремизм продолжал расти как во всем мире, так и в

Азербайджане. Жители страны, лишенные возможности участвовать в демократических дискуссиях и гражданской активности все больше сближались с религиозными группами. Следующему президенту – Ильхаму Алиеву (2003-) пришлось уже столкнуться с вооруженными экстремистами, и в этот период любая неконтролируемая религиозная активность исламская или христианская начала преследоваться. Для пресечения террористической деятельности в апреле 2011 года правительством была проведена широкомасштабная полицейская операция против ваххабитских групп в городах Баку, Гяндже, Сумгайыте, Гахском, Загатальском, Шекинском, Гусарском, Абшеронском и Хачмазском районах страны.

Однако, под предлогом борьбы с религиозным терроризмом в стране стали преследоваться и исламские демократы (в лице общины Мечети Джума, возглавляемой Ильгаром Ибрагимоглы), и те верующие, которые даже не претендовали на общественное влияние. Была введена цензура на религиозную литературу; независимые религиозные общины стали лишаться регистрации; обученным за рубежом религиозным лидерам была запрещена деятельность в мечетях. Появилась большая проблема с хиджабом (женская вуаль) в школах и ВУЗах (2010), вызвавшая сильные протесты верующих. Независимые религиозные общины закрывались. Несмотря на протесты верующих, в Баку было закрыты мечети «Абу Бекр», «Шехидляр» и временно были приостановлено посещение мечетей «Иллахият» и «Фатмеи Захра». Еще несколько мечетей были снесены как «незаконные строения». И все это, было осуществлено без какого-либо общественного обсуждения и переговоров с религиозным сообществом.

Исламские политические активисты

Так называемые «исламисты» (исламские политические активисты) появились на политической арене уже в ходе борьбы за независимость страны (1988-1991) и активно поддерживали светский по своему характеру Народный Фронт Азербайджана. Лидер этих исламистов Гаджи Альакрам даже был избран в Правление НФА, и за свою деятельность заслужил уважение демократов.

Однако уже в 1991 году Гаджи Альакрам и его соратники отделились от НФА и объявили о создании Исламской Партии Азербайджана (ИПА), которая отличалась крайне проиранской ориентацией. Целью ИПА, как было заявлено, было построение в стране исламского государства по типу Иранской Исламской Республики.

Как отмечалось выше, новый лидер страны Гейдар Алиев отменил в 1995 году регистрацию ИПА, а в мае того же года было арестовано девять членов руководства Исламской партии по обвинению в сотрудничестве с иранскими спецслужбами. Политический ислам фактически был объявлен вне закона, однако полностью подавить активистов ИПА не удалось, они до сих пор продолжают публично действовать, хотя их периодически подвергают арестам за их протестные акции и высказывания.

Предметом протестов активистов ИПА чаще всего являются социальная несправедливость, нарушение гражданских (часто избирательных) прав; во внешней политике ИПА выступает синхронно с Иранским правительством – в защиту Палестины, против «мирового сионизма» и «западного империализма». И, конечно же, ИПА постоянно выступает в защиту религиозных прав, которые по мнению ИПА, все больше нарушаются нынешним правительством.

Одной из массовых кампаний ИПА была серия активных протестов против правительственного запрета на ношении девочками хиджаба в средних школах (осень 2010). В ходе этих протестов новый лидер ИПА Мовсум Самедов с отчаянием обрушился на президента страны и его семью, назвав их безбожниками и врагами Ислама, с которыми каждый мусульманин должен вести джихад. Мовсум Самедов и близкие к нему люди, в том числе и родственники были арестованы (начало 2011 г.) и поныне находятся под арестом

Социологические опросы не выявляют какой-либо заметной популярности ИПА. Поддержкой демократического сообщества страны ИПА также не пользуется. Тем не менее, несколько сот активистов ИПА с настойчивостью и мужеством продолжают свою деятельность, ибо, очевидно, они рассчитывают не на благосклонность избирателей, а на благосклонность Аллаха, который, как они считают, на их стороне.

Борьба ИПА на два фронта

ИПА фактически приходится бороться на два фронта. С одной стороны – это авторитарное правительство, пытающееся прекратить любую неконтролируемую активность в любой сфере общественной жизни. С другой – влиятельное секуляристское движение в стране, к которому принадлежат как большинство демократов, так и большинство членов правящего режима. Кроме того, выступая против любых идей, пришедших с Запада, исламисты лишились поддержки и мирового демократического сообщества.

Положение религиозных активистов усугубляется и «исламофобией», развившейся, как в мире, так и в Азербайджане после событий 9/11/ 2001.

Исламская Партия Азербайджана ищет выхода из изоляции

Подвергнувшись репрессиям со стороны властей, оставшиеся на свободе активисты ИП, среди которых были и искренне верующие и достойные люди, превратились в гонимую со всех сторон группу отверженных. После годичного размышления и переоценки ценностей к середине 1997 года группа активистов ИП начала работу по возрождению партии.

Новые лидеры ИП решили произвести следующие тактические перемены:

- Изменить название партии, назвать ее партией Мусульманских Демократов;

- Принять новую программу, в которой бы больше места уделялось демократии, конституции и правам человека (вероятно, эти слова должны были повторятся чаще чем обычно);

- Постараться национализировать свою религиозную пропаганду, известные исламские формулы теперь должны произносится на Азербайджанском языке, побольше касаться внутри национальных проблем.

- Выйти из изоляции и войти в союз с другими оппозиционными силами;

Как стало известно, внутри самой ИП к новому курсу партии имелась консервативная оппозиция. И новому руководству партии приходилось лавировать между своими ортодоксами и вызовом времени, требующим обновления ИП.

В рамках программы по выходу из изоляции новые лидеры ИП осенью 1997 года заключили политическое соглашение о сотрудничестве с небольшими Либеральной и Социал-демократической партиями. Об этих соглашениях газеты писали с большим удивлением так и не сумев найти, что же общее может связывать либералов и исламистов?

Следующий целью ИП была главная оппозиционная партия – Мусават. После конфиденциальных переговоров с лидером партии Исой Гамбаром (кандидат в президенты на выборах в 2003 г. исламисты в начале 1998 представили Правлению Мусават договор о сотрудничестве.

По этому договору ИП и Мусават обязывались:

- Укреплять независимость, углублять демократию и защищать конституцию.

- Сотрудничать на президентских выборах осенью 1998) (имелось в виду, что ИП поддержит кандидата в президенты от Мусават).

- Совместно бороться с прозелитизмом и немусульманскими сектами.

Правление Мусават обсуждало это соглашение около 2 месяцев. Спешить было некуда, ведь до выборов оставалось еще около 9 месяцев. Поначалу, желание заполучить еще одну группу сторонников на президентских выборах возобладало. Решено было убрать из текста положение о совместной борьбе с миссионерами и подписать соглашение.

Однако, в конце концов, сомнения в этичности соглашения между демократами и еще не определившей свои позиции политической организацией заставили руководящий орган партии принять другое решение.

«Мы подпишем это соглашение, – решило Правление, – только когда убедимся, что ИП стала истинно демократической организацией и правильно понимает слова «демократия», «конституция» и «права человека». А посему, сначала следует подписать с ИП протокол о взаимопонимании, о том, что мы разделяем на самом деле одни и те же ценности, и только после этого мы сможем сотрудничать».

Лидеры ИП были приглашены на беседу с членами Правления Мусават. И я, как член Правления Мусават также участвовал в ней. Беседа, оказалась исключительно полезной для прояснения позиций обеих сторон.

Из беседы стало ясно, что некоторые члены ИП под демократией понимали демократию Иранского режима – систему Вилаяте Факих. Так один из членов руководства ИП пересказывая суть режима «Велаяте Факих» охотно делился с нами мыслями о том, что «людям нельзя доверять решение больших вопросов, так как им свойственно ошибаться. Должны быть религиозные лидеры, теологи (айатоллы), определяющие рамки, в которых простые граждане смогут голосовать». Далее с их слов стало ясно, что «если в стране большинство составляют мусульмане, то демократия требует, чтобы и законы у нас должны быть исламские». А что касается Конституции, «то сегодня ее можно и потерпеть, а завтра и изменить в соответствии с собственными целями».

В ответ на эти разъяснения члены правления Мусават представил гостям проект протокола о взаимопонимании. Текст его показался исламистам неожиданным, простая на первый взгляд «демократия» таила в себя «подводные камни».

Текст протокола гласил:

Мы, партии, подписавшие этот протокол произнаем, что

- Правление большинства должно быть ограничено правами человека, зафиксированными во Всеобщей Декларации ООН.

- Религия – это личное дело каждого, и она должна быть отделена от государства.

- Человек имеет право верить или нет и свободно менять свою религию.

- Человек имеет право отправлять свою религию лично или в группе своих единомышленников и свободно распространять свою веру вне зависимости от государственных границ.

- Наша цель Азербайджан, а не весь Исламский Мир.

Выслушав аргументы Мусават и взяв копию документа члены ИП распрощались. Они обещали изучить протокол и высказать свое мнение.

Ответ был готов неожиданно быстро, на следующий же день. Вероятно, у идеологов ИМ эти ответы были готовы давно:

- Всеобщая Декларация Прав Человека ООН написана людьми, а мы признаем лишь права, переданные человеку Аллахом.

- Если религию отделить от государства, то в нем нет места религиозным людям и это безбожное государство.

- Человек свободен в вере (Иудаизме, Христианстве, Исламе), но секты – это ложная вера.

- Человек может менять свою религию перейдя из христианства в ислам, но не наоборот, это запрещено Кораном, так как Ислам наивысшая и последняя из религий.

- Человек имеет право отправлять любое свое верование лично, но не в группе и он не свободен распространять всякое верование сбивая с толку молодежь и людей с некрепкой верой.

- Наша цель Азербайджан и в тоже время весь Исламский Мир.

Внимательно ознакомившись с этим ответом Правление Мусават пришло к выводу, что возможно он явился проявлением напряженной внутренней борьбы между сторонниками обновления и ортодоксами в ИП. Соглашение это не подписано до сих пор.

Иностранные миссионеры

На то время ИПА не являлось единственным важным исламским феноменом в Азербайджане. Пристальное внимание исследователей в этой области привлекала активность в Азербайджане исламских миссионеров из Ирана, Турции и стран Персидского залива.

После падения «Железного занавеса» в Азербайджан хлынул поток всевозможных исламских миссионеров, распространяющих турецкую (последователи Фатуллы Гюлена), иранскую и ваххабитскую (салафитскую) версию ислама. Последние две открыто и решительно были нацелены против секулярного и модернизационного курса страны. Иранские религиозные миссионеры в шиитских мечетях открыто проповедовали идеи исламской революции, оказывали финансовую помощь своим сторонникам, а также рекрутировали среди населения молодых студентов для обучения в религиозных центрах Ирана, с целью дальнейшего использования их для своих целей в Азербайджане.

Ваххабиты же действовали тайно, создавая подпольные религиозные кружки, в которых с большим успехом проповедовался свой вариант Ислама. Эта доктрина почти открыто призывала к уничтожению всех (и, в первую очередь, шиитов), не согласных с ваххабизмом.

Вопрос, каким образом ваххабизм смог прижиться в преимущественно шиитской стране, требует особого исследования. Однако скоро правительство, обеспокоенное популярностью этого течения Ислама, решило пресечь деятельность ваххабитских миссионеров. Все они были выдворены из страны, но было уже поздно, – ваххабизм (салафизм), порой в самой агрессивной форме, уже без миссионеров начал распространяться в Азербайджане.

События 9/11/2001 еще более усилили тревогу общественности по поводу возможного развития терроризма в стране. Очень скоро общественности стало известно о том, что спецслужбы страны борются с вооруженными азербайджанскими ваххабитскими и шиитскими группами, действующими как в стране, так и воюющими в Чечне или

Афганистане; один из азербайджанских ваххабитов оказался даже в американской тюрьме Гуантанамо.

Умеренные мусульмане – община мечети Джума в Баку

Члены община Мечети Джума в старом городе могут по праву называться умеренными мусульманами и быть признанны составной частью демократического движения страны.

Община Джума (мусульмане шииты) была зарегистрирована в 25 августа 1992 году Минюстом республики (при правительстве Эльчибея). Ядром общины стали члены религиозной организации «Ислам Иттихад» (Исламский Союз).

Организация «Ислам Иттихад» была создан в 1991 группой молодых религиозных граждан под руководством инженера по образованию Азера Рамиз оглу Самедова. Некоторые активисты «Ислам Иттихад» и сам Азер Самедов, являлись бывшими членами Народного Фронта, покинувшими Фронт в знак протеста «против нарушения Фронтом строгих принципов этики и демократии». С 2000 г. имамом Мечети Джума был избран Илгар Ибрагим оглу Аллахвердиев (р.1973 г.), получивший экономическое образование в Институте Футурологии и теологическое образование в аспирантуре теологического факультета Тегеранского Университета, где и защитил кандидатскую диссертацию по теме «Ислам и философия Востока: точки соприкосновения».

В 2000 г. члены общины создали правозащитную организацию, занимающуюся проблемами свободы совести (DEVVAM). DEVVAM выступает в защиту не только религиозных прав мусульман, но и последователей любых других конфессий. В 2002 г. DEVVAM стал членом Международной Ассоциации в Защиту Религиозной Свободы (IRLA), с штаб-квартирой в Вашингтоне, а Илгар Ибрагимоглу занял пост генерального секретаря азербайджанского отделения IRLA. В 2002 году И. Ибрагимоглу посещает организованную ОБСЕ в Варшаве «Международную школу по правам человека», руководимую одним из лидеров польской «Солидарности» – Мареком Новитски. В середине 2004 года Илгар Ибрагимоглу был выдвинут на пост официального докладчика ООН по религиозным свободам. Однако позже ему пришлось снять свое кандидатуру по причине жестоких репрессий, начатых правительством в июле 2004 г. против общины.

С самого начала своей деятельности члены Общины отвергли, подтвержденное «Законом о религии», притязание Управления Мусульман Кавказа (УМК) на главенствующую роль среди мусульманских организаций и общин. Община считает, что УМК контролируется властями и является крайне коррумпированной организацией.

За 24 года своего существования руководство Общины проделала в своих взглядах большую историческую трансформацию. Романтическое отношение к Иранской Исламской Республике сменилось здесь на весьма критическое отношение к этому режиму. Борьба за свои религиозные права привела, в конце концов, членов общины к либеральному пониманию прав человека. Община начала разделять и пропагандировать либеральные

идеи, в том числе и идею плюралистического демократического государства, в котором будет обеспечена и свобода вероисповедания для всех. Мечеть Джума свободно могли посещать не только шииты, но и представители других течений в Исламе.

Социальная деятельность Общины была хорошо освещена в прессе, она проводит в жизнь следующие программы: «Помощь больным таласемикам»; «Родина без сирот», «Борьба с алкоголизмом и наркоманией»; «Исламское просвещение» и программу в помощь малоимущим семьям.

Религиозно-этические воззрения общины, по словам Ильгара Ибрагимоглу, заключены в принципе: «религия и коррупция – несовместимы». Члены Общины строго придерживались этой максимы. С полным основанием членов Общины Мечети Джума можно назвать первыми мусульманскими демократами.

Община мечети управляется избранным имамом – с 2000 г. По сей день – это Илгар Ибрагимоглу. Постоянное количество верующих, посещавших пятничную молитву в мечети было около 600 человек.

Репрессии и преследования сопровождали членов общины почти с самого ее основания. Отказ подчиниться «главной» мусульманской организации и подчеркнутая независимость от государства и каких-либо старших братьев привела к тому, что в средине 1990-х как проправительственная так и оппозиционная пресса обвиняла общину во всевозможных грехах и, в первую очередь, в проиранской ориентации. Такое положение изменилось к концу 1990-х, когда уникальная для религиозных организаций демократичность Общины Джума стала очевидной, и прогрессивно настроенная часть гражданского и политического сообщества стали всячески ее поддерживать. В свою очередь руководство Общины в своих проповедях усилило критику коррупции и нарушений прав человека в стране.

Поддержка со стороны демократов страны**,** однако, усилила давление на членов общины со стороны правительства и проправительственных медиа. Это давление особенно усилилось в свете трагических событий 11 сентября 2001 года, когда наряду с антитеррористической кампанией практически по всему миру прокатилась волна исламофобии, объектом которой стали многие инакомыслящие мусульманские активисты. Правительственные чиновники и медиа начали распространять как в обществе, так и среди дипломатического корпуса слухи о связях членов Общины с Ираном и об их антигосударственной подпольной деятельности. В то время как члены общины высказывали свое одобрение как операции против Талибов, которых они считали людьми, позорящими Ислам, так и кампании по свержению кровавого диктатора Саддама Хуссейна в Ираке.

Можно сказать, что со времени событий 11 сентября репрессии по отношению к членам общины шли по нарастающей. В очередной раз Министерство Юстиции отказывает в регистрации правозащитной организации DEVVAMM. В офис DEVVAMM совершаются периодические полицейские рейды. Двое членов Общины уволены с работы, за свое членство в Общине. Член Общины – хозяин мелкой лавки, отказавшийся по религиозным

соображениям дать взятку полицейским обвиняется в «сопротивлении полиции» и подвергается аресту на 20 суток. Подобных фактов преследования множество. Все это происходит на фоне непрерывных угроз со стороны правительственных структур и УМК с требованием о прекращении критики правительства и коррумпированного официального ислама в стране. Илгара Ибрагимоглу в правительственных медиа называли и Ваххабитом и членом Аль-Каеда и «Хомейнистом и шиитским радикалом, и агентом Западных спецслужб и тайным протестантом.

На президентских выборах 2003 года активисты Общины целиком поддержали демократического кандидата в президенты, с тех пор на Общину обрушились тяжелые репрессии. Лидер общины – Азер Самедов, спасаясь от ареста вынужден был покинуть страну и нашел политическое убежище в Европе, а религиозный глава общины – имам Гаджи Ильгар Ибрагимоглу был приговорен к 5 летнему тюремному заключению за участие в беспорядках произошедших на следующий день после выборов, но в результате международной кампании в его защиту был выпущен из заключения через 4 месяца.

В 2003 г. начался судебный процесс о выселении Общины из здания мечети. Несмотря на все призывы демократической общественности страны и мира, суд, целиком контролируемый исполнительной властью, все же принял решение о выселении Общины. Выселение произошло в начале июля 2004 г. Само выселение носило характер жестокой полицейской акции, которой противостояли около 3000 верующих. В защиту Общины выступили все демократические организации и партии страны, международные правозащитные организации, официальные представители Совета Европы и США. Однако вся это поддержка не привела к прекращению выселения Общины. В ходе этой полицейской операции было арестовано на различные короткие сроки свыше 70 членов общины…

С тех пор и до наших дней Община перешла на полулегальное положение, проводя свои религиозные и общественные собрания на частных квартирах.

После выхода на свободу Ильгар Ибрагимоглу продолжал свою религиозную и правозащитную деятельность. Так отвечая на наш вопрос об отношении властей к религиозным организациям Гаджи Ильгар отметил:

«Я не согласен с мнением, о том, что государство относиться к религиозным общинам исходя из степени их «традиционности» или «чужеродности», власти просто пытаются поставить все ячейки гражданского общества, в том числе и религиозные организации (РО) под свой полный контроль. Власти терпимо относятся только к тем РО (независимо от их вероисповедания), которые активно пропагандируют в своих молитвах настоящий режим, или, в крайнем случае, не проявляют никакой общественной активности. В целом, власти

пытаются подавить несогласие с правительственной политикой в любой форме, как секулярной, так и религиозной».

Несмотря на все репрессии, община Джума до сегодняшнего дня продолжает быть составной частью демократического движения страны, активно помогая в выборах демократическим кандидатам и участвую в многочисленных кампаниях в защиту прав человека в стране.

По мнению руководства общины, законодательство в сфере религиозной деятельности не соответствует Конституции, международным стандартам и обязательствам Азербайджана в области прав человека; оно носит крайне недемократичный характер, в жизнь проводятся лишь те положения законодательства, которые направлены на ограничения свободы вероисповедания. Критике активистов Общины Джума подвергаются введение правительством

- требования регистрации независимых религиозных организаций в материнских церквях, находящихся под полным контролем правительства;

- запрета на участие религиозных деятелей в выборах в парламент;

- цензуры на религиозную литературу;

- запрета на ношение хиджаба в учебных заведениях;

- запрета гражданам женского пола фотографироваться в хиджабе для идентификационных удостоверений (паспорта и прочих документов)

- запрета на религиозную деятельность священнослужителей, получивших образование за рубежом;

- ограничения на свободу собрания и ассоциаций…

С 2004 года Община открыла интернет сайт Дейерлер (ценности – аз.) на азербайджанском языке http://deyerler.org/, содержащий новостную, а также религиозную информацию – разъяснение по вопросам религиозной практики и религиозно-этические проповеди.

Разгром турецкой секты Фатулла Гюлена ("Hizmət Hərəkatı")

Представители турецкой секты Фатуллы Гюлена – "Hizmət Hərəkatı" (*Движение Служения [народу]*) появились в Азербайджане с середины 1990-х и были благоприятно приняты как правительством, так и обществом, ибо согласно их деятельности в Турции Гюленовцы распространяли идеи умеренного ислама и тюркизма, к тому же, секта имела значительную поддержку в светском правительстве Турции, считавшем секту успешным противовесом радикальному исламу и хорошим инструментом для усиления турецкого влияния за рубежом.

Гюленовцы не проявляли в Азербайджане почти никакой общественной активности, закрывая глаза на несправедливость и коррупцию, царящую в стране и вознося молитвы в поддержку нынешнего правительства. Основное внимание руководство секты уделяло как религиозному, так и светскому образованию мусульман.

Для радикальных мусульман, обращавшихся к руководству секты с призывами начать, наконец, священный джихад за установление истинного исламского государства, у Гюленовцев был готов такой ответ: «Конечно же, мы в итоге построим исламское государство, но сначала нам надо поднять уровень образования мусульман – безграмотные люди ничего путного создать не могут».

Активисты Hizmət Hərəkatı появились не только в Азербайджане, но и в бывших советских республиках Средней Азии и построили, при поддержке правительств этих стран, огромную образовательную сеть, состоящую из около 80 средних школ и других образовательных учреждений светского характера, в которых, однако ненавязчиво преподавались и идеи «современного (умеренного) ислама». Кроме того, определенное количество сторонников секты есть и среди мелких и средних бизнесменов, есть они и в правоохранительных органах. Общее число последователей Hizmət Hərəkatı в Азербайджане оценивается в 10 000 человек[7].

В Азербайджане Hizmət Hərəkatı принадлежали 12 средних школ и гимназий, университет «Кавказ» и образовательные курсы «Араз» общим числом около 5000 учащихся. Все эти учебные заведения отличались высоким уровнем образования и отсутствием коррупции, что было важно для учащихся в условиях Азербайджана, с разваливающейся системой образования.

Университет Кавказ, Баку

Основные принципы Hizmət Hərəkatı следующие:

- Суннитский Ислам.

[7] Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: «Адильоглы», 2012. – ISBN: 978-9953-25-132-6

- Правила и обычаи суфийской секты Накшибенди.
- Правила и обычаи движения Нурсистов (умеренный ислам).
- Антикоммунизм (в противовес советскому влиянию).
- Консервативный национализм – тюркизм.
- Прагматизм.
- Принятие и соответствие международным нормам современного капитализма.
- Не входить в противоречие с демократией и секуляризмом (в 90-х годах Фатулла Гюлен даже осудил протестное движение за ношение хиджаба в ВУЗах Турции).
- Терпимое отношение к Израилю.

Все эти принципы совпадали с принципами тогдашней правящей элиты Турции и Азербайджана. Таким образом Hizmət Hərəkatı и были с благосклонностью приняты тогдашним президентом страны Гейдаром Алиевым, который в июне 1999 года заявил: «Фатулла Гюлен нужен не только лишь Турции или тюркскому миру, он нужен всему миру!».[8]

Однако в азербайджанском обществе к Hizmət Hərəkatı установились двойственные отношения. С одной стороны, всеми признавалась большая положительная роль движения в деле образования в стране, но с другой – демократам не нравилась конформистская позиция лидеров движение по поводу нарушения прав человека и коррупции в стране, а, кроме того, неприязнь и, порой, враждебность к Hizmət Hərəkatı испытывали шиитские религиозные лидеры, видя в гюленовцах суннитских конкурентов в ловле душ верующих. Особую неприязнь вызывала закрытость секты, – в общественной сфере можно было найти достаточно критических материалов о Hizmət Hərəkatı, но трудно было найти реакцию руководства секты на это критику. Что реально происходило внутри секты, публике было неизвестно. Тем не менее, школы Hizmət Hərəkatı продолжали успешно работать. Но вскоре против секты появилось более серьезное обвинение: руководство секты обвинялось в том, что оно, не привлекая внимания, пытается в своих учебных заведениях готовить новую – прогюленовскую элиту страны и внедрить ее в правящие круги, с целью изменить систему изнутри. Hizmət Hərəkatı, в данном случае, использовала тактику тайных сообществ (масонов и прочее), хорошо известных в истории Западной Европы. Относительное спокойствие закончилось для Hizmət Hərəkatı с приходом к власти в Турции партии Тайиба Эрдогана, не разделявшего вышеперечисленные принципы Фатуллы Гюлена. На секту в Турции начались гонения. Эрдоган устроил настоящую «охоту на ведь», вычищая из правительственных структур сторонников Гюлена. Это кампания называлась «борьба с параллельными структурами власти». Вскоре Эрдоган обратил внимание и на международную сеть Hizmət Hərəkatı, раскинувшуюся в тюркских республиках бывшего СССР. Новому Президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву было сообщено Эрдоганом о «масонском заговоре» Hizmət Hərəkatı – об

[8] См.: Фарук Марджан. 1980: Самые трудные годы Гюлена.

азербайджанских «параллельных структурах власти», а также были представлены списки азербайджанских чиновников – сторонников Гюлена. Эрдоган настойчиво советовал Ильхаму Алиеву выдворить этих людей из правительственных структур, что и произошло. Вскоре азербайджанское общество узнало из правительственных медиа, как много гюленовцев в правительственных структурах и, даже в президентском аппарате, и какие все они опасные. В марте 2014 года в правительстве И. Алиева началась чистка, – были уволены многие высокопоставленные чиновники, оказавшиеся сторонниками Hizmət Hərəkatı. В частности, с должностей были уволены завотделом Администрации президента – Эльнур Асланов, вице-президент SOCAR – Халиг Мамедов, председатель Госкомитета по работе с религиозными структурами – Эльшад Искендеров, его заместитель – Гюндуз Исмайлов, замминистра молодежи и спорта – Интигам Бабаева, депутат – Джейхун Османлы, директор Центра Стратегических Исследований при Администрации президента – Фархад Мамедов, председателя Молодежного фонда – Фархад Гаджиев. Что же касается качественной образовательной сети, созданной Hizmət Hərəkatı в Азербайджане, то ее, как у нас водится, власти прибрали к рукам, теперь они переданы на попечение Государственной Нефтяной Компании (SOCAR) и продолжают функционировать. Надолго ли?

Таким образом, после разгрома демократического лагеря, еще одна мирная, умеренная, выступающая за просвещение гражданская сеть была разрушена и за духовной пищей человеку, кроме как к находящихся в подполье радикалам обратиться становилось некуда.

Ваххабиты в шиитской среде

С самого начального период азербайджанской независимости в религиозной сфере наметились две основные проблемы: проблема свободы вероисповедания и проблема религиозного экстремизма. И, к сожалению, сегодня проблема религиозного экстремизма стала одной из главных проблем нашего общества. Убийства и устрашение оппонентов; организованная террористическая деятельность; отсутствие хоть какой-либо терпимости к инакомыслию, нежелание вступать в диалог – вот, что характеризует сегодня активность религиозных экстремистов в стране. И, даже, обсуждать проблемы ислама становится опасным – экстремисты сразу же могут объявить вас врагом Ислама с губительными для вас последствиями…

И все же, активность радикальных исламистов проявляется больше за рубежом, чем внутри страны, по-видимому, жесткий авторитарный режим не позволяет экстремистам тут развиться. Сегодня наши газеты полны сообщений об очередных азербайджанских группах, обнаруженных на фронтах джихада в Афганистане, Сирии, Ираке. Другие – задержаны на границы при попытке вернуться на родину. Много сообщений о судебных процессах над местными джихадистами, вернувшимися после боевых действий на

Ближнем Востоке. Участвовать в джихаде едут и сунниты и шииты, кто, например, за Башара Асада, а кто против и сражается на стороне ИГИЛ (Исламское государство). По подсчетам исследователей, сегодня, во всевозможных джихадах участвуют около 300 боевиков из Азербайджана (из Британии – 700 человек).[9]

В вопросе о радикализации движений могут оказаться интересными отрывки из расследования причин радикализации индивидума и путей распространения ваххабизма в шиитской стране, проведенного по нашей просьбе известным азербайджанским журналистом Ибрагимом Байандурлу. В своем расследовании, озаглавленном «Мои знакомые ваххабиты» И. Байандурлу описывает пути перехода человека из традиционной шиитской семьи в ультраконсервативное суннитское крыло ислама – ваххабизм (салафизм), в суннитскую общину «Ахли-Сунна валь джамаа», в среде которой, в основном, и рекрутируются джихадисты.

Отрывок из «Мои знакомые ваххабиты» Ибрагима Байандурлу:

«…Религия выполняет для человека ряд функций как индивидуального, так и социального порядка. Многие психологи склонны считать, что религия помогает человеку сформулировать и обрести смысл жизни, ощутить контроль над течением рутинной повседневности, а также защищает от страха смерти и неизвестности. Так считал, к примеру, Фрейд. Психолог Спилка убежден в том, что религия помогает человеку преодолеть свои внутренние недостатки и слабости, однако, предостерегает ученый, этот путь приводит человека к ригидной, т. е негибкой религиозности: «...слишком часто в результате возникает жесткая, несгибаемая и тираническая вера. Характерной чертой такой религиозности, имеющей невротическую основу, является образ грозного, требовательного, карающего Бога, используемый для подавления неприемлемых желаний».

Я пишу эту статью, когда в Азербайджане наблюдается волна распространения ислама суннитского и, в том числе, ваххабитского толка, проглатывающая все новые сегменты шиитского религиозного сообщества страны. Для меня оказалось поразительным, с какой скоростью эта идеология завоевывает сердца и русскоязычных азербайджанцев, среди которых немало людей, имеющих довольно высокий социальный и образовательный уровень.

В стране появились новое поколение интеллектуальных суннитских проповедников, которые достаточно эффективно модернизировали методы своей пропаганды (чего не скажешь о шиитских проповедниках).

Вооружившись литературой отличного полиграфического качества, они способны удовлетворить почти весь набор психологических потребностей верующего. Возьмем, к

[9] Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: «Адильоглы», 2012.

примеру, когнитивную потребность человека. Вся новая суннитская литература, ставящая целью первоначальное вовлечения в ислам (давет) строится на последовательном опровержении тех постулатов и стереотипов, которые навязывались и прививались советской атеистической школой. Грамотно опровергнув в концептуальном смысле целостно составленные атеистические книги на русском языке, новые проповедники тут же обоснованно и цепко подают верующему альтернативную модель мировосприятия.

Новая идеологическая пропаганда суннитского толка успешно удовлетворяет и такие психологические потребности, как страх перед социальной реальностью и социальным завтра. Это происходит благодаря тому, что, скажем, посредством зачастую наукообразной хутбы, человеку прививаются навыки психологической самостабилизации и вселяется прочная вера в завтрашний день.

Подобными приемами новая суннитская община – «Ахли-Сунна валь джамаа» – довольно эффективно решает и проблему ежедневных социально-продуцируемых неврозов. В процессе, как минимум, еженедельного посещения мечети социально-невротически зараженный прихожанин зачастую слышит дельные советы житейского характера и выпускает свою отрицательную энергию. Вообще, у наблюдаемой мною общины «Ахли-Сунна валь джамаа» очень сильна тяга к социальной солидаризации, не случайно в стране сформировалась целая прослойка молодых суннитов, взаимодействующих между собой в контроле за отдельными участками отечественного бизнеса. В общину входят не только бизнесмены. По имеющимся у меня сведениям, более трети состава оперативных сотрудников службы наружного наблюдения МВД Азербайджанской Республики стали последователями ваххабизма (салафизма). Знакомы мне и высокопоставленные чиновники различных отделов Совета Министров и правоохранительных органов республики, перешедшие в ваххабизм. Знаком я и с некоторыми из тех, кто по религиозным соображениям решили покинуть государственную службу – «слишком много греха и несправедливости здесь», – говорили они. Но перейдем к нескольким конкретным примерам, с которыми мне довелось столкнуться, к моим знакомым ваххабитам.

Речь пойдет о мужчине в возрасте 29-30 лет, который исповедует ислам ваххабитского толка уже шестой год. Образование у него среднее, учился в русской школе. Прежде чем перейти к описанию его истории, (его зовут Маариф) несколько слов о социальной биографии его родителей, а также той среде, в которой формировалась его ментальность до того, как он «уверовал в Аллаха». Отец Маарифа, являясь сыном одного из руководителей правоохранительных органов Советского Азербайджана конца шестидесятых начала семидесятых годов прошлого века, и всю свою зрелую жизнь был коррумпированным производственником (цеховиком). Как и во множестве подобных семей воровство и казнокрадство было возведено в ранг мужественности и единственно верной формулы достижения успеха в жизни. Нельзя сказать, что в этой семье отсутствовали общепринятые моральные устои. Они имели место быть, но в основном играли регулятивную роль лишь в брачно-семейных отношениях. Таким же в этой семье был и ислам. Маариф, так сказать, шиит по рождению. И в их семье, как и во множестве других семей, шиитский ислам выполнял роль своеобразного декларативного регулятора морализующего человеческое поведение лишь в определенных бытовых ситуациях.

Должен сказать, что уже с подросткового периода герой моего повествования был приобщен к систематическому потреблению алкоголя, причем собственным дедушкой, тем самым высокопоставленным милицейским чином. Дед, приглашающий внука к застольям, руководствовался принципом «все равно будет пить, так лучше пусть пьет со мной, чем с другими».

Весь девятый и десятый класс этого парня проходил на моих глазах в попойках и дачных оргиях, типичных для «золотой» бакинской молодежи.

В тот период я изредка, но довольно продолжительно беседовал с Маарифом. На мой вопрос, «почему ты ведешь бесцельный образ жизни, не учишься, не пытаешься заняться серьезным делом», следовал один и тот же ответ «Не имеет смысла. Все за меня сделает дед и отец». И действительно на деньги отца он поступил в один престижных вузов, который впоследствии бросил. Однако, на момент двадцатитрехлетия Маарифа его отец разорился, и остался с одним небольшим магазином.

Ближе к 1999 году Маариф стал окончательно спиваться. При этом он всячески старался уклониться от работы в отцовском магазине, продолжая сибаритствовать. Семья, к тому времени из-за долгов перекочевавшая из роскошной трехкомнатной в однокомнатную неуютную квартиру, изнемогала от попоек и прочих проявлений асоциального образа жизни Маарифа.

Однако в конце 1999 года в жизни нашего героя произошел случай, который перевернул всю его жизнь. Однажды Маариф, напился до такой степени, что, утром проснувшись, обнаружил себя в кампании алкоголиков-бомжей, которые дислоцируются в самом центре города, возле памятника Насими.

Кто-то из бомжей, увидев сине-желтое от похмелья и холода лицо Маарифа, предложил ему выпить небольшое количество дешевой отвратительной водки. Маариф сделал глоток, но его стошнило. Он нашел в кармане немного денег, сев на такси приехал к себе во двор. Но дома никого не оказалось. И тогда он зашел к своему соседу, с которым когда-то Маариф выпивал, но который вот уже год стал молиться и ходить в ваххабитскую мечеть «Абу-бекр». Этот человек, лет на десять старше Маарифа и знал его с детства. Сосед его впустил. Дал возможность выкупаться и поспать. Проснувшись, Маариф пожаловался на боль в сердце, а также чувство ничем не мотивированного страха за свою жизнь, на что сосед ответил, что это не просто физический страх, а страх перед Аллахом, который сидит в любом человеке, даже в отъявленном атеисте, это страх оказаться в аду, который, когда-нибудь, одолевает любую, пусть даже самую мужественную личность.

«Что же делать?» – задал вопрос Маариф. «Сдаться на милость Аллаху, прийти в сунну и начать молиться», – был ответ соседа. После эти слов, сосед передал Маарифу несколько книжек, которые на понятном языке излагали исламскую версию объяснения мироздания, а также содержали инструкции по совершению намаза суннитского толка.

Уже спустя неделю, Маариф совершил обряд покаяния (товбе), состоящий из омовения, которое необходимо сопроводить соответствующими фразами из Корана. И с того момента он стал молиться пять раз в день и следовать основным нормам суннитского

ислама. Вы спросите, что же в этом плохого? Ничего плохого тут нет. Но посмотрим, что далее случилось с Маарифом.

Маариф отпустил беспорядочную ваххабитскую бороду, перестал смотреть телевизор, и вообще отказался практически от всех источников локальной и мировой информации. Более того, подобные отношение к жизни он стал навязывать и другим членам семьи. В первую раннюю фазу своей исламизации Маариф был особенно резок и радикален в способах навязывания своих принципов членам семьи – отцу, матери, брату и сестре. Он скандалил, требуя выключить телевизор, если там показывали просто концерт, грубо вмешивался в одежду матери и сестры, которые, будучи традиционными азербайджанскими женщинами и без того одевались скромно. Дело доходило до неприятных курьезов: Маариф мог выбросить в мусорный ящик косметичку сестры, или намеренно испортить телевизор. От отца он требовал прекратить распродажу алкоголя и мясных изделий, содержащих свинину. Маариф прекратил ходить на свадьбы и светские празднества.

Интересная трансформация произошли в мировоззрении Маарифа. Его дедушка, о котором я уже поведал, очень любил творчество азербайджанских средневековых поэтов Мухаммеда Физули и Имадеддина Насими. В семье Маарифа был культ этих мыслителей, и поэтому он вопреки своему русскоязычию знал наизусть не менее ста, сложно произносимых для него стихов этих поэтов. Однако после религиозного озарения он стал ярым сторонником распространенного в ваххабитской среде мнения о том, что и Насими, и Физули являются неверными (кафирами), посягнувшими на основополагающие нормы суннитского ислама. Если до озарения Маариф был большим любителем восточной классической музыки – мугама, то теперь он называл наше речитативное песнопение изобретением шайтана.

Основательно изменились взгляды Маарифа на важные исторические события, происшедшие в Азербайджане. К примеру, если до прихода в ваххабизм он глубоким почтением относился борцам за независимость, отдавшим свои жизни за свободу при воде советских войск в Баку 20 января 1990 года, а также памяти павших в боях за Карабах, то теперь все стало иначе. По мнению Маарифа это герои вовсе не святые (шахиды), поскольку отдали свои жизни не во имя Аллаха, а во имя светских ценностей, каковыми являются государственная независимость Азербайджана.

Вообще, должен отметить очевидную анти-национальную и анти-тюркскую направленность всех этих личностных трансформаций в Маарифе. К примеру, он стал одеваться и пропагандировать аравийскую одежду. На моих глазах произошла самая настоящая бедуинизация бытовых и даже гастрономического пристрастий этого человека. В тоже время чисто азербайджанские элементы быта или домашнего убранства начали вызвать у Маарифа устойчивое раздражение, а порой и агрессию.

Весьма любопытно, что при всем этом Маариф продолжал оставаться социально бесполезной единицей. Он отказывался работать у отца в магазине. Всякие попытки друзей устроить его на работу натыкались на отговорки о наличии в предлагаемой

деятельности элементов, противоречащих нормам ислама. Маариф продолжает жить на шее у родителей…»

Подобные истории о психологическом надломе человека и переходе его в крайне консервативные сообщества не редки в Азербайджане. К сожалению автор данного материала не описал случаи дальнейшей радикализации личностей, подобных Маарифу, то есть присоединение их к некоей боевой группе, готовой уже взрывать бомбы и воевать за принципы, усвоенные в Ахли-Сунна валь джамаа, а рассказов о таких случаях в обществе мы слышим не мало.

Попытки либеральных реформ мусульманской практики в Азербайджане

По мере увеличение разрыва в развитии между христианским Западом и мусульманским Востоком призывы к модернизации мусульманской практики в исламской среде нарастали. Тут можно вспомнить известного мыслителя-реформатора Джамаладдина Афгани (1839 – 1897), призывавшего к переосмыслению исламского наследия и рационализации мусульманской практики. Параллельно с этим процессом развивалось движение проевропейских секуляристов (М.Ф Ахундов, И. Гаспринский, М.К. Ататюрк), задачей которых было максимально маргинализировать религию, установить в стране европейской законодательство и систему образования. При этом Ислам для большинства мусульман продолжал оставаться важнейшим компонентом самоидентификации и универсальным убежищем от всяких кризисов и стрессов современного мира. Часто Ислам превращался как в знамя борьбы с колониализмом, так и (с обретением независимости) с деспотизмом внутри страны. Но поскольку справедливого и процветающего «исламского государства», возможность которого была вдохновлена Исламской революцией в Иране, нигде построить так и не удалось, призывы к реформам мусульманской практики зазвучали снова.

Неудачи с развитием исламского общества сформулировали к концу 20 века задачу реформ таким образом: отказаться от Ислама невозможно, а если оставить понимание Ислама в его нынешнем, авторитарном состоянии, то все надежды на развитие потерпят провал.

Вышедшие на арену за последние 40 лет исламские интеллектуалы начали поиски исламских корней плюралистической демократии. Целиком принимая Ислам, зафиксированный в Коране и Сунне, они стараются примирить неизменный текст Корана с меняющимися обстоятельствами жизни. Новое поколение реформаторов указывает на то, что ни Коран, ни Сунна не предписывают установление той или иной политической структуры. Нет здесь также указания на способ применения на практике положений Корана. И в случае, если перед мусульманской общиной вставал конкретный жизненный

вопрос, разрешение которого требовало принятия законодательного акта, то по традиции, начатой еще при пророке Мухаммеде, общине в открытом обсуждении, называемом Иджтихад, приходилось выводить этот закон посредством толкования положений Корана или Сунны.

На Западе хорошо известны такие современные мыслители-реформаторы как египетский профессор теологии Мухаммед Халаф-Аллах, иранские теологи Абдул Карим Сорош, Абду Хилали-Ансари.

«Наше понимание религии находится в постоянном развитии; все, что базируется на суждении может быть заменено, если новое суждение больше соответствует общественным интересам» – утверждают новые реформаторы. Ясно, что новое поколение реформаторов находится в постоянном противостоянии с догматиками и фанатиками, обвиняющими их в ереси – отходе от истинного ислама. К сожалению, в этом противостоянии реформаторы пока терпят поражение. Несмотря на очевидную логичность и позитивность их идей заметного развития в исламских обществах они не получили. Напротив, мы видим, как крайний консерватизм и фундаментализм все больше и больше захватывает общественное мнение в исламских странах и, даже, в секулярной Турции.

Схожие процессы (хотя и в меньшем масштабе) можно наблюдать и в, пережившим советский атеизм, Азербайджане. Как было указано выше, религиозность и религиозный активизм энергично развивается в стране, но все попытки хоть как-то либерализовать мусульманскую практику оказываются безуспешными. В этой связи следует отметить деятельность известно в стране теолога Наримана Гасымоглу (Гасымзаде).

Нариман Гасымоглу (р.1956-)[10] по праву может считаться первым азербайджанским мусульманским демократом. Блестящий востоковед, теолог, первый переводчик Корана на современный азербайджанский язык (1989), активный участник движения за независимость, одна из заметных фигур Партии Народного фронта Азербайджана (ПНФА) продолжает почти в одиночку свою миссию мыслителя – сторонника либерализации мусульманской практики в стране.

Общество впервые узнало о реформаторских взглядах Н. Гасымоглу из концепции ПНФА «О свободе вероисповедания», в которой Н. Гасымоглу пытался найти путь для примирения исламской практики с современностью, с плюралистической демократией. Как писал Н. Гасымоглу:

«Моим исследованиям никогда не был присущ чисто академический характер… ибо преследуемая мной цель заключалась и продолжает заключаться в том, чтобы по мере возможностей способствовать реформированию религиозности азербайджанцев… мои амбиции полностью совпадают со стратегическими задачами демократизации не только азербайджанского общества, да и целого географического пространства под (опять-таки условным) названием Исламский мир… В предлагаемой мною концепции ПНФА о месте

[10] Персональный сайт Н.Гасымоглу - http://ngasimoglu.net/kimlik-eng.html)

религии в обществе верующему человеку предлагалось постепенно отрекаться от Сунны и отдавать предпочтение Корану, как документу священному и наибольшей мере демократическому… Концепция предполагала распространение такого механизма восприятия религиозных предписаний, который бы ограничивал границы ислама морально-нравственной и культурной сферами. Религиозные толкования в рамках изученной нами коранической логики нацелены на критический пересмотр нынешних шариатских норм и утверждению с религиозной точки зрения универсальных ценностей демократии и человеческих свобод»[11].

Идеи Н. Гасымоглу вызвали яростное атаки со стороны традиционалистов и фундаменталистов. Например, его утверждение о том, что в Коране нигде не указано, что женщина должна закрывать свое лицо, а лишь говориться – «Пусть прикроют свою грудь покрывалом» (сура Нур, 31) вызвало бурю негодования среди догматиков, которые даже стали призывать к физической расправе над Н.Гасымоглу и угрожали ему смертью по телефону.[12]

Однако Н. Гасымоглу продолжал свою реформаторскую деятельность. В середине 90-х годов он создает «Центр Религии и Демократии», занимающийся распространением своих реформаторских идей. Н. Гасымоглу хорошо известен и в зарубежных либерально-религиозных кругах. Он Visiting Scholar Джорджтаунского и Калифорнийского Государственного Университета, постоянный участник международных конференций в США, Бразилии, Германии, Англии, Шотландии, Польше, Венгрии, России, Казахстане, Катаре и Грузии, посвященных проблеме адаптации исламской практики к современным условиям.

О своих впечатлениях от участия в подобных конференциях Н. Гасымоглу с сожалением пишет:

«…Много исследований проводится мусульманскими учеными в Америке на тему Ислам и демократия. Существует в Вашингтоне Центр «Ислам и Демократия», который стремится координировать исследования по данной тематике, проводит конференции, дебаты с участием мусульманских экспертов. Находясь в Вашингтоне, я имел частные беседы с этими учеными, участвовал с ними в различных презентациях относительно проблем Исламского мира. Большинство из них охотно декларируют и на отдельных положениях Ислама доказывают совместимость этой религии с общеизвестными демократическими ценностями. Однако их позиция, в большей степени, ограничивается декларативными моментами о демократичности ислама… Декларированные ими демократические доктрины Ислама, как правило, не содержат признания несовместимости системы современных шариатских положений с общепризнанными демократическими ценностями и необходимости хотя бы выборочного пересмотра некоторых религиозных постулатов…

[11] Журнал «III Era», Н. Гасымоглу «Мусульмане и глобализация: проблемы адаптации», Баку 2005.

[12] Ibid.

…В марте прошлого года я участвовал в семинаре «Иджтихад – Реинтерпретация Исламских принципов для 21-го века». Семинар был организован инициативной группой «Религия и Миротворчество» при Институте «Мир и Демократия». Круг участников семинара выглядел довольно солидно, наряду с видными учеными исламоведами Америки охватывал также религиозных деятелей, правозащитников, политологов и даже представителей Пентагона. Выступившие были единогласны в том, что заложенный в Исламе принцип «иджтихад» (возможность интерпретации отдельных религиозных постулатов, не касающихся основ веры) в духе требований времени, включает большой потенциал для раскрытия демократизма религии и трансформации демократического содержания религии в практическую плоскость. Однако дальше теорий дело не пошло. Ответы на вопросы о том, что же нужно менять мусульманам в их религиозной практике, что им нужно делать для уподобления религиозности принципу уважения прав человека не прозвучали. По-видимому, отказ от определенного культурно-исторического наследия в религиозной сфере требует большей смелости. И конечно же в этом деле нужна действенная поддержка государства.

На суд участников семинара я вынес свои предложения относительно выработки действенного механизма иджтихада. Касаясь этих предложений отмечу, что они вкратце сводились к следующим моментам:

- обсуждения в отношении Иджтихада не могут ограничиваться мнениями ученых-теологов, в подобных обсуждениях должны участвовать также ученые из самых разных областей, правозащитники, политики и др., поскольку право на иджтихад по Кораничекой логике («каждый желающий имеет свою долю в Коране» – гласит коранический аят) – есть право каждого верующего человека…

- обсуждения по иджтихаду должны содержать определенную и открытую критику системы шариата особенно по той ее части, которая чужда понятию прав человека, должны выйти из научно-академических кругов и превратиться в своего рода движение Иджтихад, Этим движением должна руководить мусульманская интеллигенция, а не религиозные деятели, чей статус не предусмотрен Кораном;

- при иджтихаде предпочтение отдавать Корану и постепенно отрекаться от Сунны, хадисов как религиозно-идеологических источников проблем с правами человека;

- выработка нового подхода к определению интересов «уммы», которые многие ученые считают, не совместимыми с правами человека.

Мое выступление вокруг этих тезисов не вызвало ни особого одобрения, ни критики. Ученые чины в целом не проявили желания открыто обсуждать или отвергать эти тезисы. Критически отозвалась лишь одна женщина с головным покрывалом. Поддержку же получил со стороны рядовых американских мусульман, участвовавших в качестве слушателей».[13]

[13] Ibid.

Как видно, идеи либеральных реформ сталкиваются с большими психологическими трудностями не только среди населения, но, даже и среди мусульманских интеллектуалов. Тем не менее, реформаторы, подобные Н. Гасымоглу продолжают свою подвижническую миссию, несмотря на угрозы их жизни. Ибо другого выхода из тупика отсталости, в который попал современный мусульманский мир, не видно. Не призывать же, на самом деле, к насильственным действиям против фундаментализма или религии вообще, подобным тому, как это происходило во время коммунистических диктатур СССР и Китая.

Заключение

Можно ли было избежать ужасов террористических актов, войн с ИГИЛ и Аль Каидой, страдания миллионов беженцев из зон конфликта, которые мы видим по ТВ? Ответом тут может быть, конечно же не сталинизм, а демократия и стабильное развитие, ведь очаги фундаменталистского джихада находятся, как раз в отсталых коррумпированных диктаторских странах, режимы которых уничтожили всякую светскую оппозицию, возможности для любого инакомыслия и диалога. Мы видим схожую картину в Азербайджане, республиках Средней Азии и Ближнего Востока: права на мирные собрания и свободные дискуссии отвергнуты; инакомыслие и духовная жизнь уходит в подполье, и она может проявиться с высокой вероятностью именно в религиозной сфере, контролировать которую диктатурам часто очень трудно.

«Чем еще недовольны религиозные активисты в Азербайджане? Гуляя по городу, я вижу как из почти каждого маленького магазина через динамики, выставленные на улицу раздаются проповеди нового поколения наших богословов», – пишет известный журналист Замин Гаджи, – «да если бы я выставил свои динамик на улицу и вещал через него “Билль о Правах Человека”, так полиция тут же разбила бы мне голову дубинками».[14]

[14] Газета Yeni Musavat, 11.11.2015 http://musavat.com/news/yazarlar/mektebli-hicabi-haqda-teklifim_304413.html?welcome=1